

Читайте романы мастеров закрученного сюжета Анны и Сергея Литвиновых:

Осколки великой мечты
Быстрая и шустрая
Даже ведьмы умеют плакать
Кот недовинченный
Красивые, дерзкие, злые
Боулинг-79
Пальмы, солнце, алый снег
Наш маленький Грааль
Внебрачная дочь продюсера
Ревность волхвов
Ideal жертвы
Золотая дева
Я тебя никогда не забуду
У судьбы другое имя
Та самая Татьяна
Мадонна без младенца
Семейное проклятие
Изгнание в рай
Над пропастью жизнь ярче

Сериал «Авантюристка»

Отпуск на тот свет
Все девушки любят бриллианты
Проигравший получает все
Второй раз не воскреснешь
Предмет вождения № 1
Оскар за убойную роль
Дата собственной смерти
Парфюмер звонит первым
SPA-чистилище
Вояж с морским дьяволом
Биография smerti
Девушка без Бонда
Три последних дня
Незримая связь

Сериал «Спецкор отдела расследований»

Эксклюзивный грех
Рецепт идеальной мечты
Коллекция страхов прет-а-порте
Ледяное сердце не болит
Одноклассники smerti
В Питер вернутся не все
Через время, через океан
Небесный остров
Несвятое семейство
Ныряльщица за жемчугом

Сериал «Агент секретной службы»

Звезды падают вверх
Пока ангелы спят
Прогулки по краю пропасти
Трансфер на небо
В свободном падении
Она читала по губам
Вспомнить будущее
Многие знания — многие печали
Вне времени, вне игры
Аватар судьбы

Сериал «Паша Синичкин, частный детектив»

Заговор небес
Дамы убивают кавалеров
Бойся своих желаний

Сериал «Сага о любви и смерти»

Черно-белый танец
Предпоследний герой
Печальный демон Голливуда

Сериал «Высокие страсти»

Исповедь черного человека
Сердце бога
Бойтесь данайцев, дары приносящих
Здесь вам не Сакраменто

Сборники детективных рассказов:

Любовь считает до трех
Все мужчины любят это
Миллион на три не делится
Плюс-минус вечность
Половина земного пути
Золотой песок времени

АННА И СЕРГЕЙ
ЛИТВИНОВЫ

ДВОЙНОЙ ДЕТЕКТИВ ОТ ЗВЕЗДНОГО ТАНДЕМА А. И С. ЛИТВИНОВЫХ

Та самая Татьяна

•

Семейное проклятие

Москва
2016

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Л64

Оформление серии *И. Успенского*

Литвинова, Анна Витальевна.

Л64 Та самая Татьяна ; Семейное проклятие / Анна и Сергей Литвиновы. — Москва : Издательство «Э», 2016. — 416 с. — (Двойной детектив от звездного тандема А. и С. Литвиновых).

ISBN 978-5-699-91551-4

«Та самая Татьяна»

Блестящая литературная стилизация! Неожиданное продолжение гениального пушкинского романа «Евгений Онегин»! Анна и Сергей Литвиновы провели свое расследование и пришли к совершенно неожиданному выводу: Онегин вовсе не убивал Ленского на дуэли! Одновременно с выстрелом Евгения раздался еще один, от которого и погиб молодой поэт. Но кто стрелял? Выяснить это и взялся Евгений, когда Татьяна все же ответила ему взаимностью...

«Семейное проклятие»

Аля долго привыкала к новой жизни. Ей пришлось скрыться из Москвы, сменив скромное место учительницы на должность директора частного детского сада! Но она рано радовалась: в ее садике начало происходить одно ЧП за другим... Хотя Аля вернула все потраченные на дорогостоящую процедуру деньги, Вера не собиралась прощать бывшую подругу. Сначала согласилась стать суррогатной матерью для ее ребенка, а потом наотрез отказалась отдать его! Вера терпеливо ждала своего часа, зная — рано или поздно она отберет у Али свою дочь...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Литвинова А.В., Литвинов С.В., 2016
ISBN 978-5-699-91551-4 © Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

Та самая Татьяна

*Рукопись на русском языке,
таинственным образом найденная
Татьяной Садовниковой в Тибете
в октябре 2012 года.*

Предисловие

Писано в Санкт-Петербурге в 1872 году

В ночь под Рождество позапрошлого, 1870 года в своем доме на Фонтанке скончалась княгиня Татьяна Ртищева. Она покинула сей мир в почтенном возрасте, пережив трех мужей, многочисленных обожателей, подруг и сверстников — да и весь свой век. Последние годы свои проживала она в полном одиночестве, окруженная лишь верными слугами, не пожелавшими, несмотря на дарованную вольность, покинуть барыню до самого ее смертного часа. Прямых наследников у княгини не было, и все состояние оказалось завещано мне, ее внучатому племяннику. Впрочем, в наследство мне достались едва ли не одни только долги. Дела княгини оказались расстроены. Петербургский дом, а также имение в О-ском уезде П-ской губернии перезаложены. Заимодавцы наперебой принялись атаковать меня. Весь прошедший год потратил я на то, чтобы урегулировать отношения с кредиторами — коих явилось передо мной гораздо более, чем могло привидеться в ночном кошмаре.

Вынужденно проживая в столице и улаживая новые дела свои, досуг я коротал за разбором бумаг, оставшихся от княгини. Занятие сие немало меня развлекало.

После кончины от бабуленьки остались альбомы, в коих она записывала по дням едва ли не всю жизнь свою. Тетради in quarto в сафьяновых переплетах она начала вести в девичестве; насчитывалось их, по годам, более пяти десятков, и обнимали они едва ли не всю ее жизнь. Впрочем, в альбомах последних двух десятков лет записи личного характера почти отсутствуют, не считая замечаний о погоде. Велись лишь скрупулезные заметки хозяйственного порядка; последняя запись гласила: «Крепкий морозец, снежок. Наградные к Рождеству дворнику — 1 рубль; Наташке — 1 1/2 рубля; Наташке на провизию — 5 рублей с полтиною». Даже удивительно, как при подобной въедливости можно было настолько расстроить денежные дела свои!

Однако далеко не всегда тетради бабушки были столь же скучны; в альбомах, относящихся к баснословно далеким временам молодости — последним годам правления императора Александра Павловича, — заметки княгини легки, свежи и остроумны. И вот долгими зимними вечерами, в свете одинокой свечи, в огромном доме я зачитывался ее записками. Писала бабушка, естественно, по-французски, ибо по-русски, как истинное дитя прошлой эпохи, она в те дни изъяснялась с трудом. Слог имела несколько тяжеловесный, но открытый и живой. В альбомах содержалось немало сведений, рисующих эпоху и нравы тех баснословных лет.

Одна из историй, относящихся к двадцатым годам нынешнего XIX века, поразила меня более всего. Сначала она показалась мне любовной, однако вскоре предстала совсем в ином свете.

Замечу, что от бабушки, кроме ее журналов, осталось также огромное множество писем. Хранились они в необыкновенном порядке; каждому году соответствовала кипа, тщательно перевязанная голубой ленточкой. И вот однажды мне пришлось в голову прочитать, параллельно с

дневником, эпистолы, относящиеся к временам бабушкиной юности. Мысль оказалась плодотворной. Когда я сопоставил письма с рассказом в журнале, меня захватившим, я обнаружил, что история, какую я сперва считал любовной, на деле является полной необыкновенных тайн — в духе новелл о преступлениях и расследованиях, написанных американцем Эдгаром По, французом Гастоном Леру и англичанином Г.К. Честертоном. Когда я читал слегка выцветшие письма, написанные летящим мужским почерком, и соотносил их с записями в альбоме, передо мной постепенно приоткрывалась завеса страшной и удивительной тайны.

История показалась мне столь любопытной, что я дерзнул выставить ее на обозрение читающей публики. Я ничего не приукрашивал и не переменял в тех удивительных документах, что оказались в моих руках. Я лишь, во-первых, опустил подробности лирического или хозяйственного толка, показавшиеся мне незначительными или к данному повествованию отношения не имеющими.

Кроме того, я взял во внимание нынешний упадок образования и переложил все документы с французского, коим они были написаны, на русский. По ходу дела я позволил себе также отредактировать некоторые пассажи из записок и писем, превращая затейливый и временами куртуазный слог времен императора Александра Павловича в более современный язык нынешней стремительной эпохи, в которую ворвались железные дороги и телеграф.

Да! С грустью и уважением рассматривал я эпистолярные свидетельства минувших дней. Воистину то был золотой век! Время, когда в отношениях между гражданами, а порою и между правительствами (и даже между правительствами и гражданами!) главное место занимали законы нравственные и традиции рыцарства. Время, когда идея свободы овладела всеми, от Боливара на да-

леком юге до наших северных пределов. Время, когда еще свершались великие путешествия — достаточно вспомнить наших соотечественников Беллинсгаузена и Лазарева, открывших в 1820 году Антарктиду. То был период, когда поплыл первый пароход, а научные достижения были еще понятны широкой публике — когда имена великих ученых славились наряду с именами актеров и сильных мира сего: Андре-Мари Ампер, Алессандро Вольт, Жорж Кювье, Жан Фурье, Жан Франсуа Шомпольон... Годы, когда люди еще читали философские трактаты и интересовались ими. Эпоха, когда создавались чудесные памятники архитектуры: Манеж, университет и Большой театр в Москве, здание Биржи и Михайловский дворец в Санкт-Петербурге. Да и писатели творили в ту пору для читателей — а не для литературных критиков, собственных амбиций или кружков единомышленников. Творения Фенимора Купера, Вальтера Скотта, Александра Пушкина, Александра Грибоедова, Эрнеста Гофмана и Мэри Шелли, до сих пор вызывающие восхищенный интерес, — тому залог.

Что ж! Довольно скоро придет пора, когда и наше время, семидесятые годы девятнадцатого века, станет историей — и будущие поколения возьмутся оценивать, какими они были: благодатными? Мрачными? Плодотворными? Увы, не нам судить.

Я же обращаюсь к милому моему сердцу времени: годам двадцатым. Дайте руку, мой читатель, и, с помощью подлинных документов, совершим путешествие в наше общее и столь прекрасное (не устаю вздыхать я) прошлое.

Теперь же я выпускаю эти занимательные документы на суд читателей, этим и ограничивается скромная моя роль.

Барон Аркадий фон Шиншиллинг

* * *

*Санкт-Петербург,
8 марта 1825 года*

Дорогая моя Татьяна!

Я посылаю это письмо с верным человеком, который скорее умрет, чем передаст его в неположенные руки, поэтому не беспокойтесь, что выражения моих чувств попадут на глаза людям, которым ведать о них ненадобно.

Итак, вы восхищаетесь тактом и великодушием вашего супруга, которые он проявил в тот вечер: он-де видел — не мог не видеть! — меня у ваших ног, однако ни словом, ни жестом не выказал своего неудовольствия. Он не прислал мне вызов, не устроил вам сцену, не стал упрекать вас или пенять на ваше поведение. Какой благородный человек, восклицаете вы! И я повторяю, не могу не повторить этого за вами: ах, как он великодушен! Как мил! Как широки его взгляды!

Он всем хорош — почему же не я нахожусь на его месте?! Почему он (а не я!) имеет право при всех говорить вам «ты»?! Почему он (но не я!) может открыто (а не украдкой), с небрежностью пресыщенного султана, целовать вам руку? Почему он может все — а я ничего?! Ему разрешена даже такая малость, воспрещенная мне, как касаться губами края вашей одежды!

Но между прочим: часто ли вообще ваш супруг целует край вашего платья — как это делал я в тот вечер? Часто ли вы видели его у ваших ног? Нет? Отчего же он, безумец, не предается этому занятию бесконечно — как делал бы я, получив подобное соизволение?!

Он не влюблен в вас — в том и разница! Да и не любил никогда, добавлю я. Мне, человеку постороннему, хотя и родственнику (к счастью, дальнему) вашего супруга, это настолько же очевидно, как то, что Земля вращается вокруг Солнца, а после ночи непременно бывает рассвет. Вы для него — генерала, любимца двора, немолодого уже человека — блестящая партия. (А он все равно недостоин вас, хочется воскликнуть мне.) Свою гордость от того, что вы так красивы и умны, он принимает за любовь; свою привычку к спокойной, размеренной жизни — за верность. Он не хочет ничего менять — и не захочет никогда. Потому и делает вид, что не заметил меня у ваших ног. Потому и не стал вызывать меня. И даже не пустился с вами в объяснения. Он привык к тепло-хладному течению жизни. Его все устраивает. И даже если б я и вправду был вашим любовником... — не могу даже выговорить вслух эту мысль, меня сотрясает дрожь от своей фантазии: о, неужели?! Неужели это может оказаться реальностью?! Так вот, если бы исполнилась моя самая заветная мечта, вы бы стали моей... И он вдруг узнал об этом... Вряд ли даже тогда ему пришлось бы по душе мысль о каких бы то ни было переменах. Для него любые изменения — к худшему.

Вы, дорогая княгиня, можете воскликнуть: какая дерзость с моей стороны судить об этом! Да, на поверхностный взгляд сие выглядит непозволительно. Но я считаю, что имею право рассуждать. Мое право, оно — самое священное, которое только может быть, потому что это — право любви. Да, я люблю вас! Люблю пылко,

как пятнадцатилетний мальчик, но и преданно, как человек, много повидавший и переживший. Я люблю вас страстно — как путник, заплутавший в пустыне, любит воду во вдруг открывшемся ему оазисе; но я люблю вас также и сдержанно, чтобы ни одним жестом, движением или словом не потревожить и не обременить вас. Я люблю вас преданно — как верный раб обожает своего господина, но и непокорно — потому что не могу мириться с тем, что вы отданы другому и собираетесь провести рядом с ним весь ваш век.

Полно! Мы оба знаем: мы уготованы друг другу. Какие бы препятствия ни вставали между нами — в виде вашего мужа или вашего же чувства долга, которое диктует вам необходимость быть холодной со мной, — все они, рано или поздно, падут. Мы с вами будем вместе. Мы должны быть вместе. Нет ничего, чего бы я желал с большей силою!

Я прошу вас! Я умоляю — о свидании. Раз Фортуна не благоприятствует нам в том, чтобы наши встречи были открытыми, пусть они покуда будут тайными. Нам с вами нечего стыдиться! Любовь — это чувство, которое способно искупить все то потаенное, что совершается во славу ее.

Я знаю, что ваш супруг в среду отправляется на Кавказ с поручением от императора. Дозвольте — я приду к вам. Я не могу дождаться момента, чтобы оказаться рядом с вами.

Я не говорю: прощайте. Рядом с вашим именем не должно звучать столь жестокое и категоричное слово. До свидания, шепчу я, до нашего с вами свидания.

Вечно любящий вас Е. О.

* * *

Из журнала княгини N:
Санкт-Петербург, 22 апреля 1825 года

...Я не сдалась его притязаниям. Я сопротивлялась его настойчивости — и своим чувствам, — но они, взятые вместе, оказались выше меня. Я — уступила. В моей душе еще блуждала надежда на то, что, когда любовный порыв с его стороны будет удовлетворен, а я увижу ЕГО во всей наготе притязаний, чувство, о котором он столь возвышенно говорил, отступит. Что его высокая любовь не выдержит неизбежного столкновения с несовершенством человеческой плоти. Но в то же время бесенята желания нашептывали мне совет *попробовать* и отдаться — впервые в моей жизни — порыву любви. И это случилось.

...Наверное, опрометчиво и неосторожно с моей стороны вести столь откровенные записи. Однако я знаю своего мужа, он благородный человек, к тому же и впрямь, прав Е.О., его собственное спокойствие ему весьма дорого. Поэтому я ни секунды не сомневаюсь, что без моего позволения он не прочтет ни одной строки, написанной моею рукой, — даже если я положу журнал раскрытым на самой тайной странице на стол в его кабинете. Я так и вижу, как супруг протянет мне с оттенком брезгливости, словно бы речь шла о дезабилье, мою сафьяновую тетрадь: «Возьмите, мадам, вы забыли у меня ЭТО...»

Что касается возможных будущих читателей, моих потомков, — меня не слишком волнует их мнение. К тому же я надеюсь, что Господь не пошлет мне внезапной смерти, у меня достанет времени подготовиться к самому последнему акту в пьесе моей жизни, и я успею уничтожить неподобающие записи.

Итак, еще в марте свершилось то, о чем я грезила в своей девичьей спальне: я, наконец, увидела ЕГО у своих ног. Все мое самолюбие было удовлетворено. Все страдания по поводу Е.О. забыты. Меня преисполнило торжество, какого в жизни я еще не испытывала. Если бы Господь в ту минуту призвал меня к себе, я бы ушла из мира с радостью и со вздохом удовлетворения на устах — моя самая главная мечта свершилась! Но человек — существо слабое и несовершенное. И, по его слабости, ему всегда хочется большего. И даже после наиболее яркого момента судьбы он жаждет получать все новые эмоции. Новые и — увы нам, слабым! — более яркие.

В тот вечер я должна была изъясниться с ним. И хотя сердце мое кричало: «Ты — мой! Я — твоя навеки!» — я ответила ему только то, что могла в своем статусе. Я сказала, что раз несчастливая Судьба или Рок отдали меня не ему и выбор тот скреплен на Небесах, то мой союз с мужем нерушим и вечен, до гробовой доски, а также за нею. И я не могу унижить своего супруга и себя самой своей неверностью. Тогда ОН стал умолять, целовать мои колена...

Однако в тот момент возвратился, брэнча шпорами, мой супруг. Бедный Е.О. еле успел подскочить на ноги. Не знаю, видел ли мой благоверный мизансцену с НИМ у моих колен? Не знаю, заметил ли следы волнения на моем и ЕГО лице? Мне казалось, не усмотреть этого трудно, я едва владела собой. Е.О. также был взволнован и едва мог успокоить свое дыхание. Грудь его вздымалась, очи блистали, волосы были растрепаны. Но мой супруг, истинный образчик настоящего английского джентльменства, не повел даже бровью. Он поцеловал мне руку и завел спокойный разговор с гостем о новостях двора. Потом они прошли в гостиную выпить рюмку ликера и выкурить сигару.